

Ш.Т. Бектасов^{*1} , М.З. Утегенов²

Кокиетауский университет им. Ш. Уалиханова, Кокиетау, Казахстан
(E-mail: shagbanbektasov@gmail.com; utegenov.marat02@gmail.com)

Из истории оседания казахов Северного Казахстана в 1930-е годы: о чем свидетельствуют архивные документы?

В статье рассмотрена одна из малоисследованных проблем в истории Северного Казахстана в XX веке — оседание кочевых и полукочевых казахов в 1930-е гг. Силовая седентаризация, ставшая составной частью аграрной политики Советского государства и коммунистической партии вкпе с коллективизацией, ликвидацией баев как класса, продовольственными заготовками, фундаментально изменила образ жизни казахов. Известно также, что аграрная политика Советов в Казахстане в начале 30-х годов вызвала острейший социальный кризис, вылившийся в голод и массовые откочевки. Цель исследования — проанализировать процесс силового оседания кочевых и полукочевых хозяйств в ряде административных районов Северного Казахстана в 1930–1932 гг. В статье собраны сведения об оседании, в том числе количество оседающих хозяйств, сроки и ход оседания по нескольким районам, таким как Кокчетавский, Атбасарский и Акмолинский. В статье также анализируются действия местных властей, организация точек оседания, объемы строительства, мобилизация ресурсов, а также проблемы возвращения и обустройства откочевывавшего населения. Исследование показывает, что кампания оседания сопровождалась серьезными трудностями: нехваткой финансирования, строительных материалов и квалифицированных кадров, слабой координацией между учреждениями. Эти факторы, наряду с приоритетами хлебо- и мясозаготовок, существенно подрывали эффективность реализации аграрной политики. В статье дается оценка реалистичности поставленных планов, вскрываются механизмы репрессивной политики и бюрократической несостоятельности. Работа вводит в научный оборот ценные архивные документы и способствует более глубокому осмыслению последствий советской модернизации в казахской степи.

Ключевые слова: оседание, точка оседания, кочевые и полукочевые казахи, Северный Казахстан, откочевки, откочевник.

Введение

Одним из самых трагических периодов в истории Казахстана в XX веке были конец 1920-х — начало 1930-х годов, когда общество пережило масштабные кампании, проводимые Коммунистической партией и советским правительством, направленные на форсированное социально-экономическое и политическое переустройство. В связи с этим особый интерес исследователей вызывает проблема оседания кочевых и полукочевых казахов. Ставшее составной частью аграрной политики Советов оседание казахов по государственной программе должно было привести к «ликвидации остатков полуфеодалных общественных отношений внутри аула, к быстрейшему социально-экономическому и культурному подъему трудовых казахских масс и приобщению их к общему процессу социалистического строительства» [1; 19]. Как нам представляется, целью силового оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств было превращение казахских шаруа в зависимых от государства рабочих в сельском хозяйстве и промышленности, также освоение освободившихся земель бывших кочевников без учета их интересов.

В период независимого Казахстана исследования по истории силового оседания проводили М.К. Козыбаев [2], Т. Омарбеков [3], Ж. Абылхожин [4] и другие историки. На основе работ вышеназванных ученых были определены сущность, содержание, ход реализации политики оседания в целом по Казахстану. Но остается множество вопросов, требующих дополнительного изучения, включая особенности оседания в различных регионах Казахстана, деятельности местных властей и отношения местного населения к этому процессу. Региональный подход к исследованию расширяет понимание проблемы оседания, обогащает историческими фактами и вводит новые источники в научный оборот.

Одним из первых изданий, посвященных социально-экономическому переустройству казахского общества в период Независимости, была книга «Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства», совместно написанная Ж.Б. Абылхожиным, М.К. Козыбаевым и К.С. Алдажумановым и опубли-

* Автор-корреспондент. E-mail: shagbanbektasov@gmail.com

кованная в 1992 г. [5]. Издание охватывает период с 1920-х по начало 1930-х годов и посвящено массовой коллективизации, и оседанию, подчеркивая особенно разрушительные последствия этих кампаний для казахов-кочевников. По мнению авторов, кампания перевода на оседлость тесно увязывалась с полным переустройством хозяйственных форм. Исследователи сделали вывод, что советская власть пути развития казахского сельского хозяйства видела исключительно в переводе скотоводческого хозяйства в земледельческое или стационарное животноводческое хозяйство [5; 15].

Т. Омарбеков был одним из первых историков, который рассматривал процесс оседания кочевых и полукочевых хозяйств в Казахстане вне классовых принципов. В его работе «20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті» оседание показано как процесс, чуждый мышлению местного населения, в этом издании широко анализируется неумелое руководство в реализации оседания властью Края, отсутствие у них четкого видения хода и результатов этой кампании. Исследователь в своем труде анализирует ход и недостатки оседания в Казахстане, причины его неудачи и последствия [3].

В постсоветский период по актуальным вопросам новейшей истории Казахстана начали появляться труды зарубежных историков. И в этом ряду можно отметить книгу И. Огайон «Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1945 гг.)», которая вышла в 2006 г. на французском языке, а в 2009 г. увидел свет перевод на русский язык. И. Огайон в своем исследовании приходит к выводу, что советская власть при проведении седентеризации связывала ее с разрушением кочевого образа жизни: «Насильственная же седентаризация, которую проводил советский режим, с ее демографическими последствиями и планом реорганизации экономики, представляется как денوماдизация, имевшая целью освободить территорию кочевых казахов, а их самих переместить в сферы оседлого земледелия или промышленной деятельности» [6; 328].

Роберт Киндлер в книге «Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане» делает заключение, что «суть перевода на оседлость вначале состояла в локализации казахов, и, если коммунисты хотели реализовать свои властные притязания, им следовало иметь возможность находить кочевников» [7; 72].

С. Камерон в своей книге «Голодная степь: голод, насилие и создание Советского Казахстана» делает заключение, что для власти перевод на оседлость кочевого хозяйства «автоматически высвобождает крупные земельные излишки, которые должны быть использованы частично для переселения, но главным образом под совхозное строительство» [8; 98].

Н. Пианчиола в своей статье «Жертвующая казахами: сталинская иерархия потребления и Великий голод 1931–33 гг. в Казахстане» констатирует, что в административных документах оседание связано с целью «расширения пахотных площадей (то есть планировалось превратить территорию, которой экстенсивно пользуются «менее продуктивные» кочевники, в землю, интенсивно используемую для посева зерновых)» [9; 259]. По мнению Н. Пианчиолы, кампания оседания проводилась мягко в отличие от коллективизации и продовольственных заготовок.

Проблема оседания казахского народа в период массовой коллективизации в Северном Казахстане рассматривалась только в исследованиях обзорного, обобщающего характера по новейшей истории Северного Казахстана К.К. Абуева [10], А.А. Сейткасымова [11] и других ученых [12]. В этой связи целью статьи является публикация первоначальных сведений, связанных с оседанием кочевых и полукочевых казахских хозяйств в Северном Казахстане.

Материалы и методы

В качестве основных источников были привлечены архивные документы в виде писем, докладных записок, планов, протоколов заседаний различных комитетов, собранные в делах № 3229, 3532, 4293 в фонде № 141 Казахского краевого комитета ВКП(б) в Архиве Президента Республики Казахстан (далее АП РК). Протоколы заседаний бюро райкомов, районных пленумов, партконференций, собранных в фондах № 25 Акмолинского, № 60 Атбасарского, № 191 Сталинского (Аккольского), № 3272 Кокчетавского райкомов ВКП(б), служебная документация в фонде № 246 Акмолинской комплексной землеустроительной партии Казахского государственного краевого треста по организации территории Казахстана «Казгосземтрест» в Государственном архиве Акмолинской области (далее ГААО) и фондах № 549 Карагандинской областной контрольной комиссии ВКП(б) и рабоче-крестьянской инспекции, № 1189 Исполнительного комитета Карагандинского областного совета депутатов трудящихся в Северо-Казахстанском Государственном архиве (СКГА).

В качестве источников в научный оборот вводятся протоколы заседаний бюро, пленумов и конференций районных комитетов ВКП(б) из фондов ГААО, которые содержат сведения о сроках,

ходе оседания в исследуемых районах, о результатах деятельности районных учреждений, количественных показателях (количество оседающих хозяйств в начале кампании оседания, количество осевших хозяйств, объемы строительства на точках оседания и т.д.), фигурирующих в различной документации.

Особый интерес вызывает дело № 3229 «Материалы к отчетам окружных комитетов...» № 141 фонда АП РК, в котором содержатся планы Петропавловского окружкома ВКП(б) по оседанию казахских хозяйств в округе, сведения о хлебозаготовках в районах округов, в том числе районах, где проводилось оседание казахских хозяйств.

Для достижения поставленной цели и выполнения задач исследования был использован метод ретроспекции. Этот метод позволил исследовать процессы оседания в районах, рассмотренных в статье, путем последовательной реконструкции событий, начиная с принятия плана оседания руководством районов и до итогов мероприятий оседания в исследуемых районах.

При работе с архивным материалом были использованы методы анализа и синтеза, которые позволили изучить и охарактеризовать проблему оседания казахских хозяйств на региональном материале, выявить общие тенденции и особенности реализации политики седентаризации кочевых и полукочевых хозяйств в рассматриваемых районах Северного Казахстана.

Одним из основных методов, используемых в данной статье, является идеографический, который позволил исследовать конкретные сюжеты и проблемы оседания казахов в Северном Казахстане, выделяя их специфику и особенности. Эти методы, в сочетании друг с другом, позволили определить причины, ход и последствия развития исторических событий, связанных с политикой оседания в исследуемых районах Казахстана.

Результаты

Официальный старт кампании по оседанию кочевых и полукочевых хозяйств в Казахской АССР был дан в самом конце 1929 года. В постановлении «Об оседании казахского народа», принятом бюро Казахского краевого комитета в ноябре 1929 года, требовалось охватить не менее 12 % всех хозяйств кочевых и полукочевых казахов в районах, подлежащих оседанию в 1929–1930 годах [13; 173]. Вопрос об оседании кочевых и полукочевых казахских хозяйств был поднят и на декабрьском пленуме 1929 года. Оседание как особый вопрос было обсуждено на II сессии Казахского Центрального Исполнительного Комитета 2 января 1930 г.; было решено создать комитет, который будет заниматься этим планомерно. 8 января при Совете Народных Комиссаров был создан Республиканский комитет по оседанию [14; 21].

Краевым комитетом в 1929/1930 годах было рассмотрено оседание 84 340 кочевых и полукочевых крестьянских хозяйств, подлежащих оседанию в 34 районах, в том числе в 7 районах Петропавловского округа. В округе в 1929/1930 г. предусматривалось оседание 19,1 тыс. хозяйств, а в 1930/1931 — 12,2 тыс. хозяйств [13; 175–178]. В Акмолинском округе работы по оседанию должны были начаться в 1931 г., на первый год планировалось оседание 14,4 тыс. хозяйств, в 1931/1932 — 19,2 тыс., в 1932/1933 — 6,5 тыс. хозяйств [13; 175–178].

В Петропавловском округе в 1930 г. работы по оседанию казахского населения велись в Бейнеткорском, Тонкерейском, Октябрьском, Кокчетавском, Енбекшильдерском и Кызыласкерском районах [15; 378]. Согласно плану строительства по линии оседания в Бейнеткорском районе предусматривалось оседание 2199 хозяйств казахов в 7 точках оседания. В Тонкерейском районе планировалось оседание 3781 хозяйств, Кызыласкерском — 4742, Октябрьском — 522, Кокчетавском — 300, Енбекшильдерском — 358 хозяйств [15; 378]. Необходимо отметить, что в докладной записке о ходе работ по оседанию в Кокчетавском районе на 10 июля 1931 года, за подписью ответсекретаря райкома ВКП(б) Т.Е. Новака, направленной в Крайком, есть сведения об оседании 1217 хозяйств в 1930 году [16; 49]. Такие цифровые сведения, имеющие разночтения, требуют дальнейших исследований. Объем статьи не позволил рассмотреть оседание в Аиртавском, Енбекшильдерском, Еркиншиликском (ныне Ерейментауский — авт.), Есильском, Коргалжынском и Кызылтуском районах. И в связи с этим авторы данной статьи попытались осветить вопросы оседания наиболее крупных районов Северного Казахстана в исследуемый период: Кокчетавском, Атбасарском и Акмолинском.

Данные о ходе кампании оседания в 1931 г. в Кокчетавском районе можно получить из доклада ответственного секретаря Кокчетавского райкома партии Т.Е. Новака, сделанного на II районной партийной конференции. Согласно этому документу в Кокчетавском районе в 1931 г. планировалось

оседание 3566 кочевых и полукочевых казахских хозяйств, в районе было учтено 3378 хозяйств, организованных в 53 колхоза. Эти хозяйства планировалось разместить на 27 точках оседания. К 1 августа 1931 года в Кокчетавском районе осели 1416 хозяйств [17; 8].

Сведения об оседании казахских хозяйств в Кокчетавском районе в 1931 г. также можно получить из докладной записки в Крайком за подписью того же Т.Е. Новака [16; 49]. Любопытно, что секретарь райкома в этом документе сообщает, что они вовремя не получили план строительства по оседанию за 1931 год из Краевого комитета оседания, хотя срок получения такого плана истек 15 декабря 1930 года. Районное руководство разработало свой план оседания на 5 млн рублей, и Т.Е. Новак и председатель райисполкома Турум Аленов пытались защитить этот план в различных краевых собраниях, но не нашли какой-либо поддержки. Позже из Края в район был спущен план с финансированием на 2 млн рублей, однако он не был окончательным и все время подвергался корректировке в сторону уменьшения и только в апреле была утверждена сумма — 473 100 рублей. По этому плану предполагалась постройка 41 зернохранилища, 25 конюшен, 28 коровников и 9 кузниц [16; 51].

К 10 июля 1931 г. на точках оседания были построены 517 домов, или 15 % из необходимого количества, 3 зернохранилища, сооружено 9 колодцев, 3 из них на средства оседающего населения. На некоторых точках оседания строительство школ шло за счет перевозки и переустановки конфискованных домов при ликвидации кулачества в европейских колхозах [16; 52]. Для проведения строительства при райколхозсоюзе был организован стройсектор со штатом 37 человек, из них 27 человек числились старшими рабочими. В штате были 2 техника, 3 старших десятника, 3 агента и 2 секретаря-кладовщика. В докладной записке есть сведения, что строительству не хватало техников и десятников.

Сведения о кампании оседания в 1932 г. в Кокчетавском районе можно найти в документах объединенного пленума райкома партии и контрольной комиссии, прошедшей 1–4 июня 1932 года. Из этих документов можно установить, что к 1 апреля 1932 года были объединены в колхозы 6896 казахских хозяйств, а к 1 января того же года осело 3378 хозяйств. В 1932 г. планировалось оседание 2165 хозяйств на точках Каратал, Каражар, Шоккарагай, Костомар, Кызылегис, Коктерек, Карашилик, Желтау, Даулет, Акшасор, Улькен Суалма [18; 13]. На данном пленуме в 1932 г. были запланированы строительные работы, проводимые в точках оседания на 380 тыс. рублей, из них 65 тыс. рублей — денежные средства самих оседающих хозяйств, 190 тыс. рублей — финансирование за счет трудового участия населения. В объеме этих средств планировалось строительство 200 жилых домов, 9 скотных дворов, 9 конюшен, 22 зернохранилища, 13 кузниц, 5 бань и др. Согласно решениям пленума все строительные работы должны были быть завершены к 15 октября 1932 года [18; 14].

В Атбасарском районе кампания оседания началась в 1932 г. Согласно протоколам районного комитета по оседанию райисполкома планировалось расселение хозяйств на 11 точках. Определение мест этих поселений и определение вокруг них пригодных для возделывания полей, источников воды, удобств для населенных пунктов было поручено бригаде Акмолинской комплексной земельной координационной партии Казахского государственного краевого земельного треста.

На основе землеустроительных работ в Атбасарском районе было запланировано расселение 3257 хозяйств в точках оседания Жайлыбай, Зареченка, Ковыленка, Каражар, Каратубек, Каратомар, Косколь, Косбармак, Ладыженка, Митрофановка, Садибек, Толкынколь [19; 50].

14 апреля 1932 года на заседании комитета оседания Атбасарского района было принято решение о проведении оседания 12-го и 13-го аулов [19; 5]. Для этих аулов были предусмотрены точки оседания Жайлыбай и Косбармак, на первой точке должны были осесть 337 хозяйств колхозов «Алгабас» и «Еректы», на второй точке оседал колхоз «Косбармак» с 291 хозяйством [19; 50].

В Акмолинском районе кампания оседания должна была начаться в 1931 г., но основные мероприятия району пришлось планировать к 1932 г. Об этом свидетельствует Постановление бюро райкома Акмолинского района от 19 февраля 1932 года, где утверждается, что «проводимое в 1931 г. оседание в Акмолинском районе благодаря ярко проявленному великодержавному шовинизму, благодаря полного отсутствия массовой работы с оседающими колхозниками, благодаря полному отрыву всей подготовительной и практической работы по оседанию от оседающих сорвано» [20; 62].

Согласно этому постановлению был утвержден проект оседания на 1932 год, по которому предусматривалось оседание 4873 хозяйств, из них 1798 хозяйств направлялись в промышленные предприятия. Сведения других документов дополняют эти данные. Например, в протоколе

райоседкома от 12 января 1932 года есть сведения, что в районе есть 7919 казахских хозяйств, подлежащих оседанию, из них 2399 осело в 1931 г., убыло 800 хозяйств [21; 12]. Это были ориентировочные цифры, так как имелись разночтения в определении числа убывших хозяйств.

В своем постановлении от 19 февраля 1932 года бюро Акмолинского райкома обязывало все организации района включиться к выполнению проекта. Согласно постановлению райколхозсоюзу предстояло не позднее 15 марта оформить организационно все колхозы, организуемые на точках оседания, и с 25 февраля развернуть курсы по подготовке кадров массовой квалификации для оседающих колхозов.

Землеустроительные партии, работавшие в Акмолинском районе, к весне определили места оседания в западном, северо-западном направлениях от г. Акмолинска по берегам рек Есиль и Нура [21; 29–38]. Вдоль реки Есиль были определены точки оседания: Ушкылбай, Найман, Ащысу, Бекжан, Мортык, Насыр и другие. Вдоль Нуры были намечены точки оседания Амирбай, Майлы, Сарыадыр и др.

В резолюции III Пленума Акмолинского районного комитета ВКП(б), прошедшего 6-7 октября 1932 года, отмечается, что по программе строительства по линии оседания построен 71 дом вместо запланированных 220, 2 конюшни вместо 16, 2 коровника вместо 8, 18 колодцев вместо 56 [22; 3].

Архивные документы показывают, что центральные и местные органы власти на окружном и районном уровнях не придавали особого значения оседанию. Об этом свидетельствует протокол расширенного заседания Республиканского комитета по оседанию при СНК КазАССР от 7 июля 1930 года, где было отмечено, что «в работе всех краевых учреждений и организаций до сих пор нет перелома в работе по оседанию, она не выделена в ударную и внутри аппаратов нет ответственных руководителей проведения мероприятий по оседанию», также в этом документе констатируется, что «крайне слабо разворачивается массовая работа среди полукочевого и кочевого населения районов оседания со стороны окружных и районных организаций несмотря на ряд конкретных директив» [23; 1–3].

Непродуманные действия властей по кампании оседания можно увидеть и в письме Санжара Асфендиярова, который был командирован в 1930 г. в Петропавловский округ с проверкой хода оседания: «вопрос об оседании не был в достаточной степени проработан ни краевыми, ни окружными организациями» [24; 4]. Асфендияров в своем отчете раскрывает слабые места кампании оседания в Петропавловском округе: «В результате сказанного вся работа оказалась совершенно не согласованной, бессвязной. Агитационная кампания проводилась районами в конце апреля и мае, не сопровождалась и не закреплялась практическими мероприятиями. Так как работа идет по линии большого количества организаций... то связать работу этих многочисленных учреждений было чрезвычайно трудно и руководство делом оседания не имело достаточно гибкой и боевой организации» [24; 6]. Как отмечает С. Асфендияров, у окружного земельного управления есть планы по расширению земельных участков зерновых совхозов за счет сокращения площади земель, используемых оседлыми казахскими хозяйствами. Он также пишет о том, что заготовка лесоматериалов велась очень медленно, и в Бейнеткорском районе древесиной обеспечено только село Шолак-Дошан. В информации, приведенной Карагандинской областной контрольной комиссией ВКП(б) в акте проверки деятельности областного комитета по оседанию за апрель-май 1932 года указано, что «оседание в Бейнеткорском районе проводилось без учета местных условий. Определение точек оседания можно понимать только как чисто вредительское» [25; 66].

Кампания оседания в других районах проходила не лучшим образом. Например, в Кокчетавском районе на точках оседания не хватало строительных материалов: руководство района планировало, что объем древесины, необходимой для строительства, составляет 4282 куб/м, а краевые власти этот показатель сократили до 3240 куб/м, из которых было поставлено только 800 куб/м [17; 8]. В своем докладе Новак отмечал схожую ситуацию и с другими материалами, необходимыми для строительства, он также заявлял, что «вся вина за оседание ложится на наших казахских работников, особенно плохие стороны этой работы заключаются в том, что когда работники не сигнализируют о своих провалах, и наоборот другие успокаивают районный комитет партии и районные организации, что у них дело обстоит хорошо, а на самом деле ничего не сделано», одним предложением акцентируя внимание на тех, кто несет ответственность за кампанию [17; 18].

Строительные работы на точках оседания Атбасарского района также проводились медленно. К сентябрю 1932 года Бюро Атбасарского райкома отмечало, что план строительства по оседанию находится под полной угрозой срыва из-за нехватки рабочих рук, отсутствия помощи колхозов. Для

перелома ситуации были мобилизованы 278 рабочих строителей и 50 гужевых подвод по разверстке по колхозам, чтобы обеспечить их питанием, материально-бытовыми условиями, обязав в этом Райколхозсоюз и Стройконтору [26; 6].

Протокол одного из заседаний Бюро Акмолинского райкома ВКП(б) констатирует, что работы по оседанию находятся под угрозой срыва. Основной причиной такого положения дел Бюро райкома видело в том, что «райоседком (районный комитет оседания — авт.), райколхозсоюз (районный союз колхозов — авт.), райзо (районный земельный отдел и земпартия (землеустроительная партия — авт.) не создали большевистских темпов и разворот строительства вследствие чего по всем точкам имеется спор: строительство совершенно не развернуто, отпущенный лесоматериал не вырубается и не вывозится, также слабо заготавливается саман и мобилизуются местные ресурсы» [27; 90]. Исходя из этого, бюро райкома ВКП(б) отправляло трех уполномоченных, возложив на них ответственность за все мероприятия по оседанию на определенной точке. От райколхозсоюза требовалась организация работы по вырубке и вывозке леса и заготовка самана, мобилизация внутренних ресурсов, создание постоянных групп колхозников по строительству оседания до окончания сезона строительства.

Из протокола заседания бюро Акмолинского райкома от 10 сентября 1932 года можно узнать, что программа строительства «в результате недооценки всей политической, хозяйственной важности дела оседания со стороны районных руководителей, явного ничем непримиримого оппортунизма, безответственности находится под прямой угрозой срыва, программа строительства выполнена только на 21 %» [27; 12].

Кампания оседания усугубила и без того сложную экономическую ситуацию в районах. Независимо от того, действительно ли кочевые и полукочевые хозяйства осели или нет, официально считалось, что они переведены на оседлость. На основе данных об этих мнимых достижениях программы оседания устанавливались заготовительные нормы, которые абсолютно не соответствовали реальному положению дел.

Обсуждение

Оседание кочевых и полукочевых хозяйств проводилось на «базе сплошной коллективизации бедняцких и середняцких хозяйств», при этом в районах Северного Казахстана колхозы оседающего населения проектировались как земледельческо-скотоводческие с молочным уклоном или скотоводческо-земледельческие с мясным уклоном [13; 176-177]. Согласно докладу председателя Центрального исполнительного Комитета КазАССР Е. Ерназарова, сделанного на VIII Всеказахстанском съезде Советов, в 1931 году общая площадь посевов всего оседающего населения должна была составить 750 тысяч га, из них вновь оседающие в 1931 году — 380 тыс. га [28; 13]. В выполнении этих планов должны были принимать участие и колхозы оседающих хозяйств в исследуемых районах.

Площадь посева оседающих казахов в Кокчетавском районе в 1930 году составляла 4152 га, а в 1931 году этот показатель вырос более чем в три раза — 15697 гектаров, для весеннего посева 1932 года были произведены землеуказания на 25661 га посевных площадей и 35710 га сенокоса [16; 50]. Соответственно, вырос и план хлебозаготовок, которые должны были выполнять колхозы осевших казахов. Здесь необходимо отметить, что до ликвидации округов в конце 1930 года практически на одной территории сосуществовали два административных района: Крестьянский район с русско-украинским населением и Кокчетавский — с полукочевым казахским. В 1929 году хозяйства Кокчетавского района по плану хлебозаготовок должны были поставить государству 26 тысяч пудов или 4,2 тысяч центнеров, а Крестьянский район — 327 тысяч пудов или 52,3 тысяч центнеров зерна [15; 152]. 1930 году эти два района были объединены под одну административную единицу (Кокчетавский район), план хлебозаготовок начали разверстывать и по казахским колхозам наравне с европейскими. И уже объединенный Кокчетавский район по плану хлебозаготовок в 1931 году должен был поставить государству 600 тысяч пудов (98 тысяч центнеров) зерна и 67 тысяч пудов (11 тыс. центнеров) гранцевого сбора [29; 2]. Из письма «руководства Кокчетавского района в центральные органы КазАССР», датированного 29 августа 1931 года, можно узнать, что «аул № 2 из всей посевной площади в 1308 га имеет уцелевший посев в 130 га с урожайностью максимум в 10 пудов с га, т.е. 1300 пудов всего валового сбора, тогда как этот аул имеет план в 3600 пудов. Аул № 4 из 1017 га имеет уцелевшую площадь в 370 га с урожайностью максимум в среднем в 8-9 пудов с га, тогда как ему дан план в 900 ц» [13; 398].

Как и в других районах, казахские колхозы Атбасарского района должны были выполнять планы хлебозаготовок 1932 года, например, колхоз «Алгабас» — 987 центнеров, «Еректы» — 1157 центнеров, колхоз «Косбармак» — 2679 центнеров [26; 32]. Оседающее казахское население Акмолинского района, объединенное в колхозы, также должно было выполнять планы хлебозаготовок. Например, колхоз «Шнет» должен был сдать государству 627 центнеров, колхоз «Космурун» — 1720 центнеров, колхоз «Екпенды» — 1428 центнеров [27; 46].

Наряду с заготовками зерна, обязательства по мясозаготовке серьезно ухудшали положение жителей районов. План скотозаготовок на 1931 год разверстанных по районам бывших Акмолинского и Петропавловского округов составлял 53 192 тонн живым весом [30; 11].

В 1932 году районы вновь образованной Карагандинской области, куда вошли районы бывших Акмолинского и Петропавловского округов, должны были поставить государству 460 тысяч центнеров живым весом [31; 132]. В том числе Кокчетавский район должен был поставить 27 тысяч центнеров в живом весе, Атбасарский район — 25,5 тысяч центнеров, Акмолинский — 31 тысячу центнеров. Но к концу весны 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о сокращении заготовок скота. Сокращение плана заготовок позволяет нам предположить, что Кремль к этому моменту признал невозможность выполнения этих планов. К тому же Политбюро и Сталин были прекрасно осведомлены о голоде в Казахстане, о состоянии животноводства.

В конце сентября 1932 года был принят 15-месячный план скотозаготовок с 1 октября 1932 г. по 31 декабря 1933 г., согласно которому единоличные крестьянские хозяйства, колхозные дворы и товарные фермы колхозов всей Казахской АССР должны были поставить 34 тысячи тонн живым весом [32; 95]. Карагандинская область должна была поставить 68 тысяч центнеров в живом весе [32; 98]. Атбасарский район по пятнадцатимесячному плану мясозаготовок с 1 октября 1932 года по 1 января 1934 года должен был поставить 5469 центнеров [26; 66]. Согласно этому плану Акмолинскому району к середине осени был спущен 15-месячный план мясозаготовок, по которому район должен был поставить государству более 7 тысяч центнеров в живом весе [27; 10].

Данные оседания в рассматриваемых районах показывают, что цель кампании оседания в превращении полукучевых казахов-единоличников скотоводов в зависимых работников колхозов, выращивающих зерно, вполне оправдалась. Неважно, насколько бывшие кочевники успешно выполняли план хлебозаготовок, они, лишенные не только земли, но и своего скота, обобщественного в стада колхозов, сданного по планам мясозаготовок, в большинстве своем оказались зависимыми от колхозов.

Многие казахи, разоренные выполнением непомерных продовольственных поставок государству, лишенные остатков своего скота, реквизированного по плану мясозаготовок, и теперь вынужденные переселяться в жилье, построенное наспех в тех местах, которые зачастую были определены без их участия, оказались вынуждены откочевывать, бросая все.

Откочевники в поисках пропитания тянулись к таким городам, как Акмолинск, Петропавловск. 24 мая 1932 г. на заседании бюро Акмолинского райкома партии рассматривался вопрос «об улучшении работы пункта возвращающихся в колхозы колхозников нашего и соседних районов» [33; 18]. Например, 6 пункт постановительной части протокола заявляет: «организовать специальную повозку для подбора на улицах города обессиленных, неорганизованно кочующих через город, рекомендовав для этой цели мобилизовать одну лошадь из какой-либо хозяйственной организации». В том же документе председателю райисполкома Сатыгулову предлагалось «принять решительные меры переброски из пункта в места постоянного жительства казахов (казахов — авт.), использовав для этой цели автомашины Союзтранса, освобождающиеся от посевной и не допускать скопления такого числа лиц».

Председатель исполнительного комитета Арыкбалыкского района, населенного преимущественно русскими, докладывал в областной исполком о фактах воровства скота, в которых подозревал казахов-откочевников. Он в своей докладной записке утверждал, что «села граничащее Рузаевским, Атбасарским и некоторой частью Кокчетавского района насыщен откочевывавшими из указанных районов казаками, кои без средств к существованию прибегают как источнику — воровству» [34; 32].

Часть казахов Северного Казахстана откочевала в Сибирь. Председатель Карагандинского облисполкома Кошкунов телеграфировал Председателю СНК КазАССР У. Исаеву о нахождении уполномоченных ОблИК в Омске, Ишиме и Петухово Западно-Сибирского края и отправке дополнительно трех уполномоченных, действовавших по возвращению откочевников [35; 15].

Проблема возвращения и обустройства откочевников все отчетливее требовала действий Карагандинского областного исполкома. На заседании Президиума Исполкома 10 июня 1932 года рассматривалось распределение и немедленная отгрузка продовольственной помощи возвращающимся откочевникам, которая отпускалась бесплатно [36; 31]. По протоколам Президиума Облисполкома известно, что к концу 1932 года было обустроено 5066 хозяйств, из предусмотренных 6026 [37; 45].

Вопросы откочевников поднимались и на заседаниях бюро районных комитетов партии. Например, из постановления Бюро Атбасарского райкома от 27 октября 1933 года можно узнать, что в г. Атбасар находятся 48 хозяйств откочевников [37; 91]. В этом же документе было принято решение о ходатайстве в Обком ВКП(б) и ОбЛИК отпустить продовольственную помощь для «1029 хозяйств с 3203 иждивенцами».

Бюро Сталинского райкома 13 января 1933 г. приняло решение о выделении продовольственной помощи возвратившимся откочевникам. Для этого на точки оседания Малшора, Канжыгалы, Таубай, Ултуган, Коскарагай и др. командировались уполномоченные «для правильного использования отпускаемой государством продпомощи возвращающимся хозяйствам и предупреждения от всяких хищений, растраты и злоупотребления, прекращения откочевки» [38; 20]. Согласно этому решению каждому хозяйству было выделено помощи в объеме 1,5 пудов на три месяца, из распределенного хлеба половина выдавалась в январе. Остальное должно было выдаваться в середине февраля. Уполномоченные должны были сдать под расписку правлению колхоза, под ответственность за сохранность этого хлеба.

В исследовании французского исследователя И. Огайон отмечается, что из 71 335 хозяйств на территории Карагандинской области, которые должны были осесть в 1930–1933 годах, 16 337 полностью осело в колхозах, а 11 147 крестьянских хозяйств были размещены в еще не коллективизированных точках оседания. Согласно выводам И. Огайон численность кочевых хозяйств, неохваченных мерами оседания в регионе, составляла 19 650 семей. Французский историк оставшиеся 24 тысячи хозяйства относит к числу тех, кто бежал от колхозов, умерших от голода и болезней [6; 157].

Таким образом, как показывают архивные документы, деятельность местных органов власти в деле оседания казахских хозяйств была далека от тех целей, на которые рассчитывала Краевая власть. Это было обусловлено кампанейщиной в действиях властей, выразившейся в попытке за три года провести оседания нескольких сотен тысяч кочевых хозяйств.

Заключение

Ход оседания в районах Северного Казахстана убедительно показывает нереальность планов оседания, принятых в коридорах Краевой власти. Провал плана оседания казахов также обусловлен отсутствием финансирования на должном уровне и недостаточностью строительных материалов, необходимых для возведения, в первую очередь, жилья. На ход оседания заметное влияние оказали приоритетность в деятельности местной власти проблемы хлебозаготовок, мясозаготовок и коллективизации, решение которых зорко контролировали вышестоящие органы. Кампания оседания для органов местной власти Северного Казахстана стала своеобразным экзаменом для местных чиновников в определении ключевых интересов в бюрократических играх и об этом свидетельствует вся архивная документация, сопровождавшая их деятельность в деле оседания казахов. Складывающаяся местная номенклатура безошибочно угадывала приоритеты требований вышестоящей власти, стараясь выполнить в первую очередь самые актуальные для руководства. Пассивность местных органов в деле оседания была своеобразным показателем этих отношений к директивам вышестоящей власти и социальным интересам населения.

Анализируя архивные документы, удалось выявить актуальные данные по количеству хозяйств, подлежавших оседанию, в рассмотренных районах. Также были выявлены сведения о ходе оседания в этих районах. Все эти данные обогащают историю силового оседания казахов в 30-е годы XX века.

Список литературы

- 1 Постановление VIII Всеказахского Съезда Советов по отчету правительства, об оседании, по всеобучу и ликбезу, о хозяйственно-массовой работе советов, о весенней посевной. — Алма-Ата: Москва: ОГИЗ, 1931. — 52 с.

- 2 Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиски: [в 2-х кн.] / М.К. Козыбаев. — Алматы: Гылым, 2000. — 388 с.
- 3 Омарбеков Т. 20–30 жылдардағы Қазақстан қасіреті / Т. Омарбеков. — Алматы: Санат, 1997. — 318 б.
- 4 Абылхожин Ж. Традиционная структура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930 гг.) / Ж. Абылхожин. — Алма-Ата: Наука, 1991. — 238 с.
- 5 Козыбаев М.К. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства / М.К. Козыбаев, Ж.Б. Абылхожин, К.С. Алдажуманов. — Алма-Ата: АН РК, 1992.
- 6 Огайон И. Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1945 гг.) / И. Огайон. — Алматы: Санат, 2009. — 365 с.
- 7 Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане / Р. Киндлер — Москва: Политическая энциклопедия, 2017. — 382 с.
- 8 Камерон С. Голодная степь: голод, насилие и создание Советского Казахстана / С. Камерон. — Москва: Новое литературное обозрение, 2020. — 360 с.
- 9 Niccolò Pianciola. Sacrificing the Qazaqs: The Stalinist Hierarchy of Consumption and the Great Famine of 1931–33 in Kazakhstan // *Journal of Central Asian History*. — 2022. — № 1. — P. 225–272.
- 10 Абуев К.К. Кокшетау. Исторические очерки / К.К. Абуев. — Кокшетау: Полиграфия, 1997. — 289 с.
- 11 Сейткасымов А.А. Развитие Северного Казахстана в первой половине XX века / А.А. Сейткасымов. — Кокшетау, 2014. — 143 с.
- 12 Белетченко И.С. и др. Северо-Казахстанская область. Страницы летописи родного края / И.С. Белетченко. — Алматы: Казахстан, 1993. — 392 с.
- 13 Трагедия казахского аула. 1928–1934: Сборник документов: [в 2-х т.] / сост. А.С. Зулкашева (отв.), Г.Т. Исакан, Ж.А. Сагаева. — Алматы: Раритет, 2018. — Т. 2. — 742 с.
- 14 Таңатарова Ж.Т. Қазақстанның батыс аймағындағы күштеп отырықшыландыру және оның ауыр зардаптары (1930–1937 жж.) / Ж.Т. Таңатарова. — Алматы: Қазақ университеті, 2000. — 185 б.
- 15 Архив Президента Республики Казахстан (далее — АП РК). — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 3229.
- 16 АП РК. — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 4293.
- 17 Государственный архив Акмолинской области (далее — ГААО). — Ф. 3272. — Оп. 1. — Д. 6.
- 18 ГААО. — Ф. 3272. — Оп. 1. — Д. 22.
- 19 ГААО. — Ф. 246. — Оп. 1. — Д. 45.
- 20 ГААО. — Ф. 25. — Оп. 1. — Д. 26.
- 21 ГААО. — Ф. 246. — Оп. 1. — Д. 6.
- 22 ГААО. — Ф. 25. — Оп. 1. — Д. 30.
- 23 АП РК. — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 3532.
- 24 Муканова Г. Когда безмолствовала фемида: свидетель эпохи Санджар Асфендияров [Электронный ресурс] / Г. Муканова // Фемида. — 2022. — № 7. — С. 3–7. — Режим доступа: <https://zanmedia.kz/wp-content/uploads/2022/09/Femida-2022-7ayan.pdf> [in Russian].
- 25 Северо-Казахстанский государственный архив (далее — СКГА). — Ф. 549. — Оп. 1. — Д. 51.
- 26 ГААО. — Ф. 60. — Оп. 1. — Д. 12.
- 27 ГААО. — Ф. 25. — Оп. 1. — Д. 28.
- 28 Ерназаров Е. Оседание в Казахстане / Е. Ерназаров. — Алма-Ата: Огиз, 1931. — 15 с.
- 29 ГААО. — Ф. 3272. — Оп. 1. — Д. 8.
- 30 АП РК. — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 3872.
- 31 Центральный государственный архив (далее — ЦГА РК). — Ф. 5. — Оп. 13. — Д. 379.
- 32 ЦГА РК. — Ф. 5. — Оп. 13. — Д. 380.
- 33 ГААО. — Ф. 25. — Оп. 1. — Д. 31.
- 34 СКГА. — Ф. 1189. — Оп. 1. — Д. 7.
- 35 СКГА. — Ф. 1189. — Оп. 1. — Д. 6.
- 36 СКГА. — Ф. 1189. — Оп. 1. — Д. 3.
- 37 ГААО. — Ф. 60. — Оп. 1. — Д. 23.
- 38 ГААО. — Ф. 191. — Оп. 1. — Д. 146.

Ш.Т. Бектасов, М.З. Утегенов

1930-жылдардағы Солтүстік Қазақстан қазақтарын отырықшыландыру тарихы: архив құжаттары неге куәлік етеді?

Мақалада XX ғасырдағы Солтүстік Қазақстан тарихындағы аз зерттелген мәселелердің бірі — 1930-жылдары көшпелі және жартылай көшпелі қазақтардың отырықшыландыруы қарастырылған. Кеңес мемлекеті мен Коммунистік партияның аграрлық саясатының құрамдас бөлігі болған күштеп отырықшыландыру ұжымдастырумен, байларды тап ретінде, яғни азық-түлік дайындамаларымен бірге жоюмен қазақтардың өмір салтын түбегейлі өзгертті. Қазақстандағы кеңес билігінің аграрлық саясаты өткен ғасырдың отызыншы жылдарының басында ашаршылық пен жаппай үдере көшуге әкеліп соқтырған өткір әлеуметтік дағдарысты тудырғаны белгілі. Зерттеудің мақсаты — 1930-1932-жылдары Солтүстік Қазақстанның бірқатар әкімшілік аудандарындағы көшпелі және жартылай көшпелі шаруашылықтардың күшпен отырықшыландыру процесін талдау. Сонымен қатар Көкшетау, Атбасар және Ақмола сияқты бірнеше аудандар бойынша отырықшыландырылған шаруашылықтар саны, отырықшыландырудың мерзімі мен барысы туралы мәліметтер жинақталған. Авторлар жергілікті билік органдарының отырықшыландыру орындарын ұйымдастыруын, құрылыс жұмыстарының жүргізілуін, ресурстардың жұмылдырылуын, сондай-ақ үдере көшкен халықты қайтару мен қайта отырықшыландыру мәселелеріне байланысты іс-әрекеттерді жан-жақты талдаған. Зерттеу барысында отырықшыландыру науқанын қаржыландырудың жеткіліксіздігі, құрылыс материалдары мен білікті кадрлардың тапшылығы немесе мекемелер арасындағы іс-әрекет үйлесімділігінің болмауы сияқты елеулі қиындықтармен жүргені анықталды. Бұл факторлар, астық пен ет дайындау науқандарымен салыстырғанда мәртебесінің төмен болуымен бірге, кеңестік аграрлық саясаттың тиімді жүзеге асуына айтарлықтай кедергі келтірді. Мақалада жоспарлардың жүзеге асу мүмкіндігіне баға беріліп, репрессивті саясат пен бюрократиялық әлсіздіктің тетіктері ашылған. Зерттеу барысында ғылыми айналымға құнды архивтік құжаттар енгізіліп, 1930-жылдардағы қазақ даласындағы кеңестік жаңғыртудың салдарларын тереңірек түсінуге ықпал етеді.

Кілт сөздер: отырықшыландыру, отырықшыландыру орны, көшпелі және жартылай көшпелі қазақтар, Солтүстік Қазақстан, үдере көшу.

Sh.T. Bektassov, M.Z. Utegenov

The History of the Sedentarization of the Kazakhs of Northern Kazakhstan in the 1930s: What do the Archival Documents Testify?

The article analyzes an under-researched problem of the history of Northern Kazakhstan in the XX century — the transition of nomadic and semi-nomadic Kazakh families to a sedentary way of life in the 1930s. This process of forceful sedentarization, included in the agrarian policy of the Soviet state and Communist party, combined with collectivization and the elimination of the Bai as a class, radically changed the lifestyle of Kazakhs. It is also known that the agrarian policy of the Soviet authorities in Kazakhstan in the early 1930s led to an acute social crisis situation resulting in famine and mass migrations. The purpose of this study is to analyze the process of forced sedentarization of nomadic and semi-nomadic farms in several administrative districts of Northern Kazakhstan in the period from 1930 to 1932. The article contains information on the process of settling, including the number of farms, timing and progress of settling in several districts, such as Kokchetav, Atbasar and Akmola. This article examines the role and actions of local authorities in organizing sedentarization points, managing construction projects, mobilizing resources, and addressing the challenges of returning and reintegrating displaced nomadic populations. The research reveals that the sedentarization campaign faced substantial difficulties, including insufficient funding, a lack of construction materials and skilled personnel, as well as poor institutional coordination. These issues, combined with the prioritization of grain and meat procurement campaigns, significantly undermined the effectiveness of Soviet agrarian policies. The article critically assesses the feasibility of the planned objectives and exposes the mechanisms of repressive governance and bureaucratic inefficiency. By incorporating valuable archival documents into scholarly discourse, the study contributes to a more nuanced understanding of the consequences of Soviet modernization in the Kazakh steppe during the 1930s.

Keywords: sedentarization, point of sedentarization, Nnomadic and Semi-Nomadic Kazakhs, North Kazakhstan, Nomadic escapees.

References

- 1 (1931). *Postanovleniia VIII Vsekazakhskogo Sezda Sovetov po otchetu pravitelstva, ob osedanii, po vseobuchu i likbezu, o khoziaistvenno-massovoi rabote sovetov, o vesennei posevnoi* [Resolutions of the VIII All-Kazakh Congress of Soviets on the report of the government, on sedentarization, on education and literacy, on economic and mass work of the Soviets, on the spring sowing season]. Alma-Ata: Moscow: OGIZ [in Russian].
- 2 Kozybaev, M.K. (2000). *Kazakhstan na rubezhe vekov: Razmyshleniia i poiski* [Kazakhstan at the turn of the century: Reflections and searches]. (Vols. 1-2). Almaty: Gylym [in Russian].
- 3 Omarbekov, T. (1997). *20-30 zhyldardagy Qazaqstan qasireti* [The tragedy of Kazakhstan in the 20-30s]. Almaty: Sanat [in Kazakh].
- 4 Abylkhozhin, Zh. (1991). *Traditsionnaia struktura Kazakhstana: sotsialno-ekonomicheskie aspekty funktsionirovaniia i transformatsii (1920–1930 gg.)* [The traditional structure of Kazakhstan: socio-economic aspects of functioning and transformation (1920s – 1930s)]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 5 Kozybaev, M.K., Abylkhozhin, Zh.B., & Aldazhumanov, K.S. (1992). *Kollektivizatsiia v Kazakhstane: tragediia krestianstva* [Collectivization in Kazakhstan: the tragedy of the peasantry]. Alma-Ata: Akademii Nauk Respubliki Kazakhstan [in Russian].
- 6 Ohayon, I. (2009). *Sedentarizatsiia kazakhov SSSR pri Staline. Kollektivizatsiia i sotsialnye izmeneniia (1928–1945 gg.)* [Sedentarization of the Kazakh USSR under Stalin. Collectivization and social changes (1928–1945)]. Almaty: Sanat [in Russian].
- 7 Kindler, R. (2017). *Stalinskie kochevniki: vlast i golod v Kazakhstane* [Stalin's Nomads: Power and Famine in Kazakhstan]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia [in Russian].
- 8 Cameron, S. (2020). *Golodnaia step: Golod, nasilie i sozdanie Sovetskogo Kazakhstana* [The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [in Russian].
- 9 Niccolò, Pianciola. (2022). Sacrificing the Qazaqs: The Stalinist Hierarchy of Consumption and the Great Famine of 1931–33 in Kazakhstan. *Journal of Central Asian History*, 1, 225–272.
- 10 Abuev, K.K. (1997). *Kokshetau. Istoricheskie ocherki* [Kokshetau. Historical sketches]. Kokshetau: Poligrafiia [in Russian].
- 11 Seitkasymov, A.A. (2014). *Razvitie Severnogo Kazakhstana v pervoi polovine XX veka* [Development of Northern Kazakhstan in the first half of the twentieth century]. Kokshetau [in Russian].
- 12 Beletchenko, I.S. et al. (1993). *Severo-Kazakhstanskaia oblast. Stranitsy letopisi rodnogo kraia* [North-Kazakhstan region. Pages of chronicles of native land]. Almaty: Kazakhstan [in Russian].
- 13 Zulkasheva, A.S., Isakhan, G.T., & Sagaeva, Zh.A. (Comp.). (2018). *Tragediia kazakhskogo aula. 1928–1934* [The tragedy of the Kazakh aul 1928–1934]. (Vols. 1-2; Vol. 2). Almaty: Raritet [in Russian].
- 14 Tanatarova, Zh.T. (2000). *Qazaqstannyn batys aimagyndagy kushtep otyryqshylandyru zhane onyn auyr zardaptary (1930–1937 zhzh.)* [Forced sedentarization in the western region of Kazakhstan and its serious consequences (1930–1937)]. Almaty: Qazaq universiteti [in Kazakh].
- 15 AP RK [The Archive of the President of the RK]. — F. 141. — Op. 1. — D. 3229 [in Russian].
- 16 AP RK [The Archive of the President of the RK]. — F. 141. — Op. 1. — D. 4293 [in Russian].
- 17 GAAO [The State Archives of the Akmola region]. — F. 3272. — Op. 1. — D. 6 [in Russian].
- 18 GAAO [The State Archives of the Akmola region]. — F. 3272. — Op. 1. — D. 22 [in Russian].
- 19 GAAO [The State Archives of the Akmola region]. — F. 246. — Op. 1. — D.45 [in Russian].
- 20 GAAO [The State Archives of the Akmola region]. — F. 25. — Op. 1. — D. 26 [in Russian].
- 21 GAAO [The State Archives of the Akmola region]. — F. 246. — Op. 1. — D. 6 [in Russian].
- 22 GAAO [The State Archives of the Akmola region]. — F. 25. — Op. 1. — D. 30 [in Russian].
- 23 AP RK [The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. — F. 141. — Op. 1. — D. 3532
- 24 Mukanova, G. (2022). Kogda bezmolvstvovala femida: svidetel epokhi Sandzhar Asfendiarov [When Themis Was Silent: Witness to the Era by Sanjar Asfendiaryov]. *Femida*, 7, 3–7. Retrieved from <https://zanmedia.kz/wp-content/uploads/2022/09/Femida-2022-7ayan.pdf> [in Russian].
- 25 SKGA [The North Kazakhstan State Archives]. — F. 549. — Op. 1. — D. 51 [in Russian].
- 26 GAAO [The State Archives of the Akmola region]. — F. 60. — Op. 1. — D. 12 [in Russian].
- 27 GAAO [The State Archives of the Akmola region]. — F. 25. — Op. 1. — D. 28 [in Russian].
- 28 Ernazarov, E. (1931). *Osedanie v Kazakhstane* [Sedentarization in Kazakhstan]. Alma-Ata: OGIZ [in Russian].
- 29 GAAO [The State Archives of the Akmola region]. — F. 3272. — Op. 1. — D. 8 [in Russian].
- 30 AP RK [The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. — F. 141. — Op. 1. — D. 3872 [in Russian].
- 31 TsGA RK [The Central State Archive of the RK]. — F. 5. — Op. 13. — D. 379 [in Russian].
- 32 TsGA RK [The Central State Archive of the RK]. — F. 5. — Op. 13. — D. 380 [in Russian].
- 33 GAAO [The State Archives of the Akmola region]. — F. 25. — Op. 1. — D. 31 [in Russian].
- 34 SKGA [The North Kazakhstan State Archives]. — F. 1189. — Op. 1. — D. 7 [in Russian].
- 35 SKGA [The North Kazakhstan State Archives]. — F. 1189. — Op. 1. — D. 6 [in Russian].
- 36 SKGA [The North Kazakhstan State Archives]. — F. 1189. — Op. 1. — D. 3 [in Russian].

37 GAAO [The State Archives of the Akmola region]. — F. 60. — Op. 1. — D. 23 [in Russian].

38 GAAO [The State Archives of the Akmola region]. — F. 191. — Op. 1. — D. 146 [in Russian].

Сведения об авторах

Бектасов Шагбан — PhD докторант, научный сотрудник, Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Кокшетау, Казахстан, <https://orcid.org/0009-0008-9109-2794>

Утегенов Марат — к.и.н., ассоциированный профессор, Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Кокшетау, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0002-7748-0925>

Information about the authors

Bektassov Shagban — PhD Student, Researcher, Kokshetau Shoqan Ualikhanov University, Kokshetau, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0008-9109-2794>

Utegenov Marat — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kokshetau Shoqan Ualikhanov University, Kokshetau, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0008-9109-2794>